MASTER NEGATIVE NO. 91-80016-12

MICROFILMED 1992

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES/NEW YORK

as part of the
"Foundations of Western Civilization Preservation Project"

Funded by the
NATIONAL ENDOWMENT FOR THE HUMANITIES

Reproductions may not be made without permission from
Columbia University Library

COPYRIGHT STATEMENT

The copyright law of the United States -- Title 17, United States Code -- concerns the making of photocopies or other reproductions of copyrighted material...

Columbia University Library reserves the right to refuse to accept a copy order if, in its judgement, fulfillment of the order would involve violation of the copyright law.

AUTHOR:

STASHEVSKII, EVGENII D.

TITLE:

SLUZHILOE SOSLOVIE.

PLACE:

KIEV, USSR.

DATE:

1912

Master Negative #

91-80016-12

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES
PRESERVATION DEPARTMENT

BIBLIOGRAPHIC MICROFORM TARGET

Original Material as Filmed - Existing Bibliographic Record

947
Z
v.8

Stashevskiĭ, Evgeniĭ Dmitrievich, 1884-
Sluzhiloe soslovie. ₍A civil service class of people₎ Kiev, Tip. T-va I. N. Kushnerev i Ko., 1912.
33 p. 23 cm.

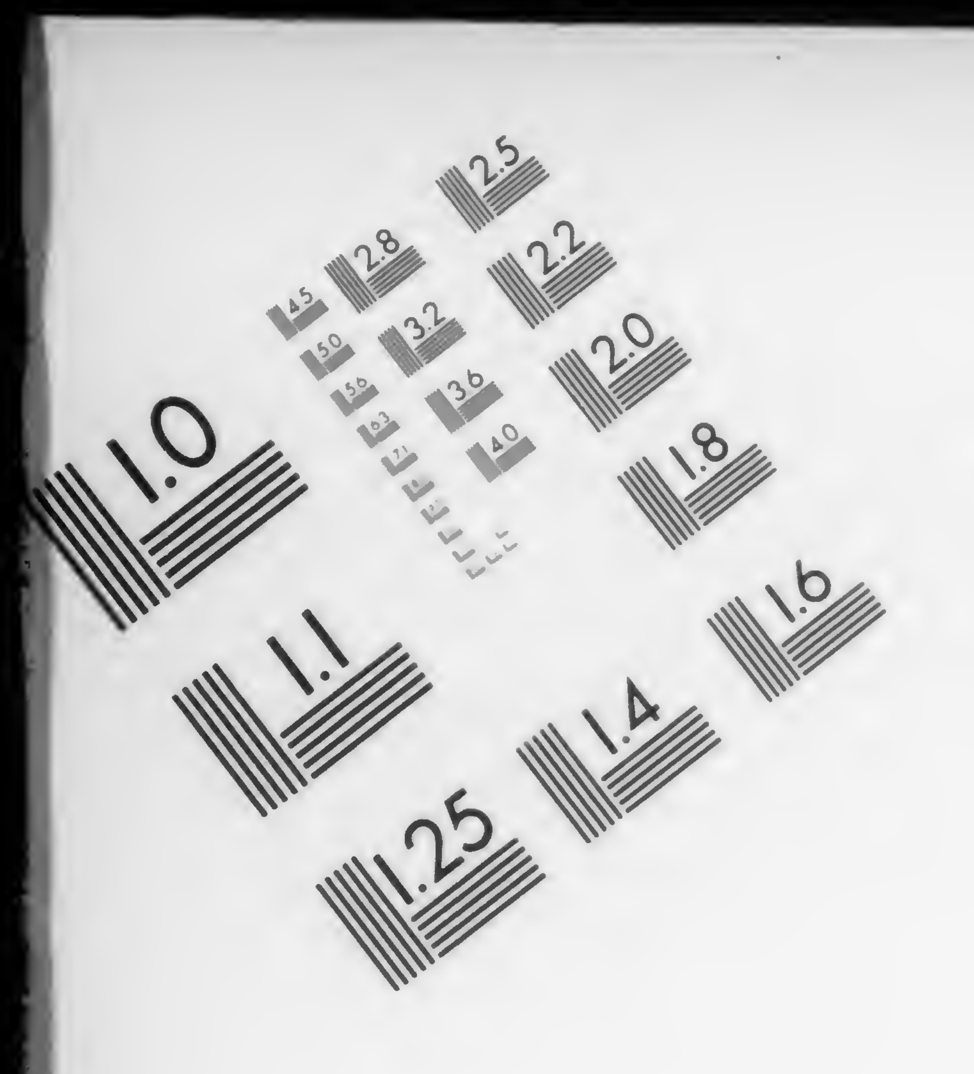
Cover title.
At head of title: E. Stashevskii.

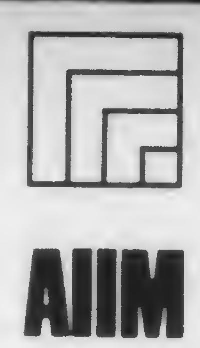
VOLUME OF PAMPHLETS

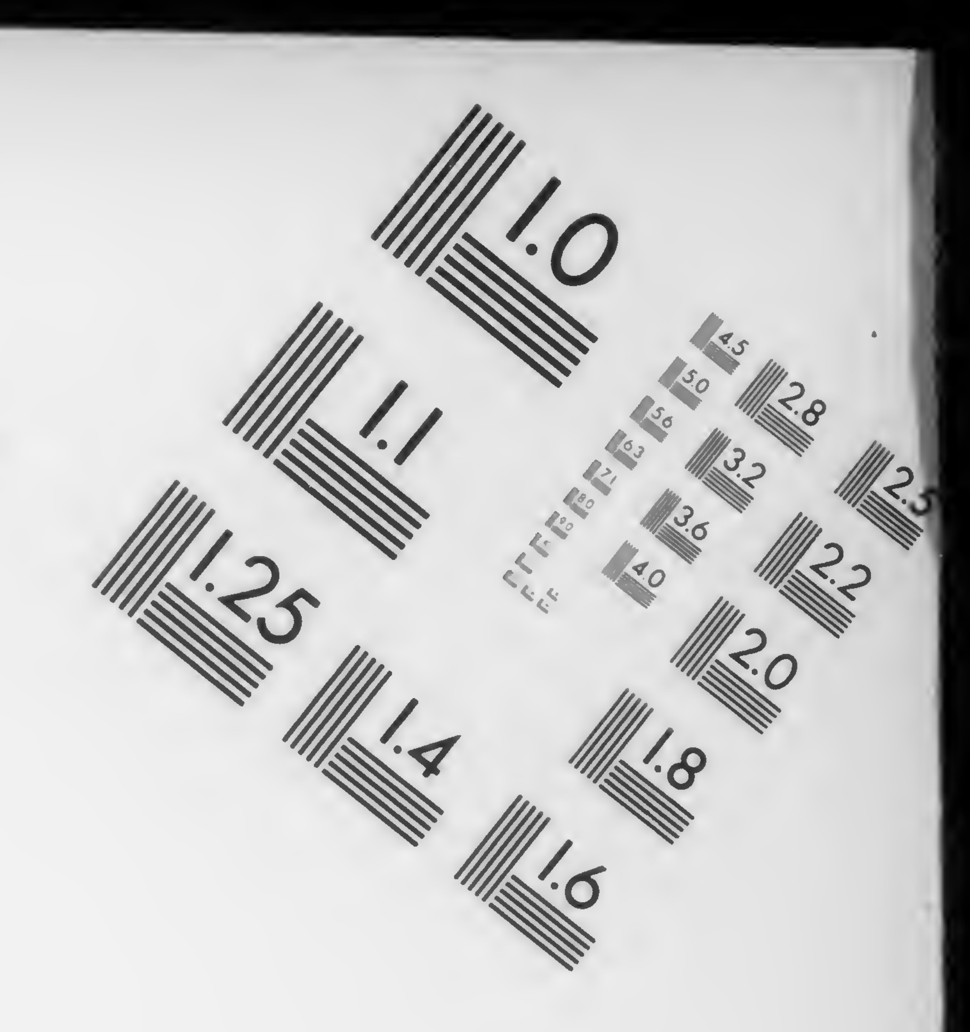
Restrictions on Use:

TECHNICAL MICROFORM DATA

FILM SIZE: 35mm REDUCTION RATIO: 11x
IMAGE PLACEMENT: IA (IIA) IB IIB
DATE FILMED: 4/25/91 INITIALS F.C.
FILMED BY: RESEARCH PUBLICATIONS, INC WOODBRIDGE, CT

AIIM

Association for Information and Image Management

1100 Wayne Avenue, Suite 1100
Silver Spring, Maryland 20910

301/587-8202

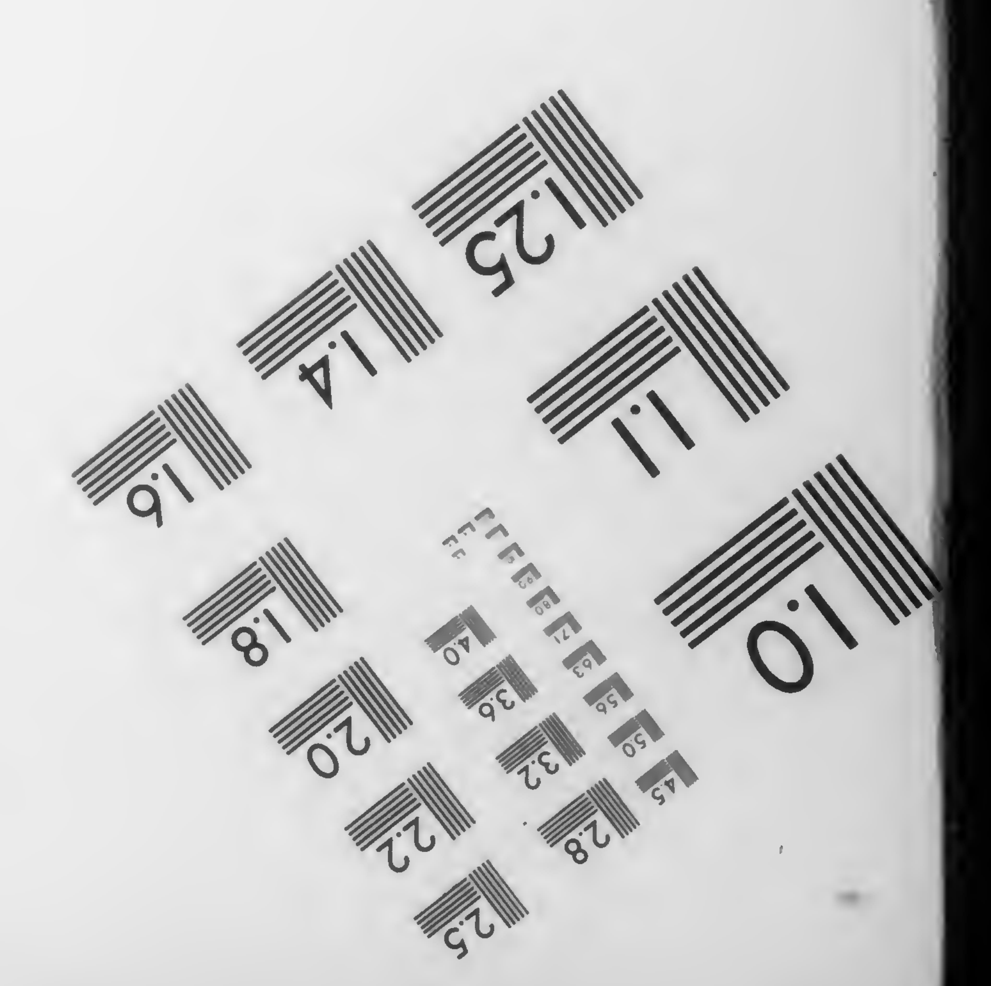
Centimeter

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 mm

1 2 3 4 5

Inches

1.0 1.1 1.25 1.4 1.6 1.8 2.0 2.2 2.5 2.8 3.2 3.6 4.0 4.5 5.0 5.6 6.3

MANUFACTURED TO AIIM STANDARDS
BY APPLIED IMAGE, INC.

Columbia University
in the City of New York

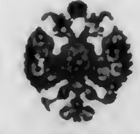
LIBRARY

Е. Сташевскій.

Служилое сословіе.

КІЕВЪ.
Типографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К⁰, Караваевская, № 5.
1912.

947
Z
v. 8

Служилое сословіе*).

I.

Составъ общества: его четыре основныхъ класса.

Общество Московскаго государства XVI и начала XVII вѣка отличалось дробностью своего состава, неустойчивостью отдѣльныхъ состояній и присутствіемъ бродячихъ промежуточныхъ слоевъ. Оно дѣлилось, говоритъ проф. Ключевскій, на множество разрядовъ,

*) Литература: *Н. Загоскинъ.* Очерки организаціи происхожденія служилаго сословія. *Е. Бѣловъ.* Объ историческомъ значеніи русскаго боярства до конца XVII в. Ж. М. Н Пр. 1886 г. №№ 1—3. *Н. Павловъ-Сильванскій.* Государевы-служилые люди; *онъ же.* Феодализмъ въ удѣльной Руси. *М. Дьяконовъ.* Власть Московскихъ государей, гл. VI; *онъ же.* Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси, стр. 250—294. *В. О. Ключевскій.* Курсъ Русской Исторіи, т. II и III; *онъ же.* Боярская Дума древней Руси; *онъ же.* Смѣна—боярство и дворянство, Русская Мысль 1899 г., № I. *В. Сергѣевичъ.* Юридическія древности, т. I, стр. 331—521. *Владимірскій-Будановъ.* Обзоръ, стр. 119—130. *К. А. Неволинъ.* Собраніе сочиненій, т. IV. *А. Градовскій.* Собраніе сочиненій, т. II, гл. I. *С. В. Рождественскій.* Служилое землевладѣніе въ Московскомъ государствѣ. *Ю. Готье.* Замосковный край въ XVII в., гл. V. *А. Романовичъ-Славатинскій.* Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII в. до отмѣны крѣпостнаго права. *А. Востоковъ.* Русское служилое сословіе по десятнямъ 1577—1608 гг. Юридич. Вѣстникъ, 1888 г., т. 28. *Л. М. Савеловъ.* Лекціи по русской генеалогіи, вып. 1 и 2. *Лихачевъ.* Государевъ родословецъ и Бархатная книга. Изв. Русск. Генеал. Общества вып. 1 и отдѣльно. *В. Сторожевъ.* Указная книга Помѣстнаго приказа: *онъ же.* Матеріалы для исторіи русскаго дворянства; *онъ же.* Десятни, какъ источникъ для исторіи русскаго провинціальнаго дворянства, Юридич. Вѣстникъ, 1890 г. № 3. *Н. Оглоблинъ.* Что такое десятня? Ж. М. Н. Пр. 1891 г. № 11. *Е. Сташевскій.* Десятни Московскаго уѣзда 7086 и 7094 гг.; *онъ же.* Землевладѣніе московскаго дворянства въ первой половинѣ XVII в. *П. Милюковъ.* Очерки по исторіи русской культуры, ч. 3, вып. I. О мѣстничествѣ: *Д. Валуевъ.* Въ Симбирскомъ сборникѣ 1845 г. и *А. Маркевичъ.* Исторія мѣстничества въ Московскомъ государствѣ въ XV—XVII вв.

чиновъ, которые, не считая духовенства, можно свести въ четыре основныхъ класса или состоянія. Это были: 1) люди служилые, 2) тяглые посадскіе, 3) тяглые сельскіе и 4) холопы. Холопы не несли никакихъ повинностей въ пользу государства, а, образуя нѣсколько слоевъ неволи, состояли въ крѣпостномъ дворовомъ услуженіи у частныхъ лицъ. Иными словами, они служили частнымъ интересамъ. Остальные классы служили интересамъ государственнымъ, но, въ зависимости отъ своего имущественнаго положенія, а для служилаго класса въ зависимости и отъ происхожденія, различались родомъ повинностей по отношенію къ государству. Такъ, для служилыхъ людей землевладѣльцевъ такою повинностью была ратная, придворная и административная служба, отбываемая съ земли; для посадскихъ и сельскихъ обывателей—тягло „съ животовъ и промысловъ" и съ земли. „Въ зависимости отъ степени, размѣра или тяжести *однородныхъ* повинностей, а въ служиломъ классѣ еще въ зависимости отъ степени породы, отдѣльные классы дѣлились на *чины*". Такъ, служилый классъ распадался на чины думные, московскіе и городовые; посадскіе и сельскіе обыватели на людей „лутчихъ, середнихъ и молодшихъ". Каждой изъ указанныхъ повинностей соотвѣтствовалъ опредѣленный кругъ хозяйственныхъ занятій, правъ и преимуществъ. Служилые люди имѣли право владѣть землей на личномъ вотчинномъ и помѣстномъ правѣ, посадскіе люди имѣли право торговли и т. д. „Но эти классы, какъ и чины, не были устойчивыми, неподвижными, обязательными состояніями", вмѣстѣ съ тѣмъ могло не наблюдаться строгаго соотвѣтствія между отбываемой повинностью и предоставляемымъ ею правомъ. Такъ, вплоть до закона 1642 г. правомъ имѣть вотчины наряду съ служилыми людьми—дворянами и дѣтьми боярскими—пользовались боярскіе люди и соотвѣтствовавшіе имъ въ монастырскихъ имѣніяхъ монастырскіе служки. Между тѣмъ ни тѣ, ни другіе не отбывали

ратной службы, какъ постоянной государственной повинности. Здѣсь право не соотвѣтствовало обязанности. Тоже самое наблюдалось въ случаяхъ соединенія хозяйственныхъ занятій, составлявшихъ принадлежность разныхъ классовъ, въ рукахъ лица, не принадлежащаго къ этимъ классамъ. Такъ, служилый человѣкъ, равно какъ и крестьянинъ, могли торговать въ городѣ и не выходя изъ своего состоянія. Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ возможенъ и переходъ изъ одного класса, или чина, въ другой.

Промежуточные общественные слои.

Вслѣдствіе такой подвижности и неустойчивости состояній между основными классами образовались многочисленные промежуточные общественные слои. Между служилыми людьми и холопствомъ такимъ промежуточнымъ слоемъ, замѣчаетъ проф. Ключевскій, былъ слой мелкопомѣстныхъ или безпомѣстныхъ дѣтей боярскихъ, которые то отбывали ратную службу со своихъ или отцовскихъ помѣстій, то поступали холопами во дворы къ боярамъ и другимъ служилымъ людямъ высшихъ чиновъ, образуя особый слой боярскихъ людей. Между тѣмъ же холопствомъ и посадскими людьми лежалъ слой *закладчиковъ*, образовавшійся въ большинствѣ случаевъ изъ посадскихъ тяглецовъ, которые, „избывая государева тягла", самовольно закладывались за привиллегированныхъ землевладѣльцевъ и, поселяясь на ихъ льготныхъ земляхъ, занимались „всякими промыслы и торги большими". Наконецъ, между служилымъ классомъ и посадскимъ населеніемъ стояли такъ называемые *служилые люди по прибору*, т. е. по казенному найму. Это были стрѣльцы, казаки, пушкари, затинщики, воротники, казенные кузнецы. Они вербовались изъ разныхъ слоевъ общества, отправляли военно-ремесленную службу при крѣпостяхъ и въ артиллеріи, поселялись обычно въ городахъ слободами, гдѣ имъ давались небольшіе участки казенной земли, съ которой они служили и которой владѣли на правахъ товарищескаго, сябриннаго земле-

владѣнія. До 1675 года они могли верстаться и переходить въ высшій разрядъ служилыхъ людей—помѣстныхъ дѣтей боярскихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ они занимались городскими промыслами, не неся посадскаго тягла.

Вольные-гулящіе люди.

Все это были состоянія, служащія или государственнымъ или частнымъ интересамъ, но въ Московскомъ государствѣ былъ еще многочисленный разрядъ населенія, который не служилъ никому и вмѣстѣ съ тѣмъ „былъ соціальнымъ убѣжищемъ для тѣхъ изъ служилыхъ и тяглыхъ людей, которые не желали ни служить, ни тянуть тягла“. Это *вольные* или *гулящіе люди*. Сюда входили лица, отбившіяся отъ своего прежняго состоянія и не примкнувшія къ другому, т. е. холопы, вышедшіе на волю, крестьяне и посадскіе, покинувшіе тягло и пашню, дѣти боярскіе, отбывшіе службы, дѣти духовенства, „которые не у приходовъ, даромъ гуляютъ“; наконецъ, сюда же входилъ многочисленный разрядъ людей, не имѣвшихъ своего собственнаго хозяйства, какъ-то: неотдѣленные сыновья тяглыхъ домохозяевъ, ихъ братья, племянники, захребетники и т. д.

Образованіе сословій.

Эта пестрота общественнаго состава, наличность состояній, не служащихъ государству, и подвижность, неустойчивость служилыхъ состояній, наносила большой ущербъ Московскому правительству, уменьшая, или вообще колебля, то количество его ратной силы, то размѣръ его государственнаго дохода. Въ борьбѣ съ тѣмъ и другимъ зломъ, подъ давленіемъ все возрастающей нужды въ войскѣ и деньгахъ, правительство въ XVII-мъ вѣкѣ стремится, съ одной стороны, уничтожить подвижность главныхъ служилыхъ состояній, съ другой—распространить начала тягла и на не служилыя состоянія. Съ первой цѣлью оно проводитъ „наслѣдственное прикрѣпленіе людей къ состояніямъ, въ которыхъ заставалъ ихъ крѣпившій ихъ законъ“, а также, руководствуясь принципомъ наибольшей сродности занятій, вгоняетъ промежуточные слои общества

въ эти состоянія*); со второй цѣлью подчиняетъ тяглу ранѣе свободныя отъ него нѣкоторые виды холопства, уменьшая въ то же время количество элементовъ, изъ которыхъ вербовался разрядъ вольныхъ, гулящихъ людей. Вслѣдствіе этого составъ общества, во-первыхъ, упрощается, во-вторыхъ, такъ какъ служба и тягло становятся „неподвижными повинностями по *рожденію*“, общественныя состоянія или классы принимаютъ характеръ обособленныхъ другъ отъ друга, замкнутыхъ обязанныхъ сословій.

Московская сословная монархія и ея „крѣпостной уставъ“.

Съ завершеніемъ этого процесса создается и теорія московской сословной монархіи съ ея „крѣпостнымъ уставомъ“. Населеніе этой монархіи распадается на „чины“ или сословія. Послѣднихъ четыре: чинъ освященный, служивый, торговый и земледѣтельный (т. е. крестьяне). Холопы и вольные гулящіе люди пока еще внѣ сословій. Каждый изъ чиновъ, сообразно своему назначенію въ государствѣ, имѣетъ и свое опредѣленное мѣсто и опредѣленное отношеніе какъ къ верховной власти, такъ и къ каждому изъ другихъ чиновъ. Это и есть „неподвижный крѣпостной уставъ“, который измѣнить не воленъ даже царь. *Надъ* сословіями стоитъ верховная царская власть, которая въ теоріи безсословна и задача которой охранять сложившійся порядокъ и быть прибѣжищемъ всѣхъ слабыхъ и угнетенныхъ какъ сословій въ ихъ полномъ составѣ, такъ и отдѣльныхъ членовъ отдѣльныхъ сословій. Вотъ въ какихъ словахъ вылилась эта теорія въ одной изъ петицій (1657 г.) „служиваго чина“, въ которой дворяне жаловались на неудовлетворительность постановки сыска бѣглыхъ крестьянъ: „вели, государь, свой государевъ указъ учинить..., чтобъ, государь, и въ прежніе лѣта твой государевъ *крѣпостной уставъ* въ семъ дѣлѣ во вѣки былъ неподвиженъ, и никому бъ не повадно было Божія даянія, а вашего государскаго вѣч-

*) Такъ, по закону 1642 г., въ составъ служилаго класса были возвращены изъ боярскихъ дворовъ дворяне-холопы, боярскіе люди.

наго и давняго жалованья, силою и величествомъ, богатствомъ и грабленіемъ, и всякимъ лукавствомъ, и пронырствомъ чужого имѣнія восхищати и неправедными прибытки богатѣть,—и чтобъ въ твоей государевѣ державѣ вси люди Божіи и твои государевы, кождо отъ великихъ и четырехъ чиновъ, освященный и служивый, и торговый, и земледѣтельной, въ своемъ *уставѣ* и въ твоемъ царскомъ повелѣніи твердо и непоколебимо стояли, и ни единъ бы ни отъ единого ни чимъ же обидимъ былъ, и кійждо по заповѣди Божіи отъ своихъ прямыхъ трудовъ питался, а воини бъ всѣхъ чиновъ великихъ и малыхъ, въ которое время въ домѣхъ своихъ будутъ, довольни были Божіимъ же дарованіемъ и твоимъ царскимъ жалованіемъ, своими прямыми жъ оброки, а не чужими имѣніи и прибытки. И буди ты, великій государь, за всѣхъ насъ обидимыхъ праведный отмститель, тебѣ данъ отъ Бога судъ и исправленіе, и мечъ отмщенія, и милость разсужденія". Такова теорія. Въ ней всѣ чины, хотя и несутъ различныя, но одинаково важныя, государственныя обязанности, предъ верховной властью равны. На практикѣ, однако, замѣчалось отступленіе отъ этого правила; отступленіе состояло въ томъ, что первымъ, наиболѣе жалуемымъ и привиллегированнымъ чиномъ былъ „чинъ служивый". Это зависѣло не только отъ того значенія, которое въ жизни государства имѣли военныя потребности и вызываемыя ими военныя обязанности, но также и отъ того, что владѣніе землей на личномъ вотчинномъ и помѣстномъ правѣ принадлежало почти преимущественно служивому чину. Земля же въ Московскомъ государствѣ была не только однимъ изъ главныхъ видовъ капитала, но и источникомъ властвованія соціальнаго, которое проявлялось въ помѣщичьемъ судѣ, управленіи и тому подобныхъ институтахъ. Въ зависимости отъ указаннаго фактическаго соотношенія московскихъ чиновъ, изученіе организаціи ихъ мы начнемъ съ перваго чина, именно служиваго.

II.

Служилые люди Московскаго государства дѣлились на служилыхъ людей по *отечеству* и служилыхъ людей по *прибору*. Послѣдніе, какъ указано выше, собственно говоря, были промежуточнымъ слоемъ между служилыми людьми и посадскими обывателями. Со времени Уложенія, они, хотя и продолжали нести военно-ремесленную службу по казенному найму, но въ податномъ отношеніи сливались съ посадскими людьми. Относительно стрѣльцовъ и казаковъ, которые „всякими промыслы промышляютъ и въ лавкахъ сидятъ" Уложеніе постановило, что они обязаны платить таможенныя пошлины съ промысловъ и оброкъ съ лавокъ. Что касается пушкарей, затинщиковъ, воротниковъ, казенныхъ кузнецовъ и плотниковъ, то съ ними было поступлено еще рѣшительнѣе. Именно, они, если торговали въ лавкахъ и занимались промыслами, были совершенно слиты въ податномъ отношеніи съ посадскими людьми, такъ что платили не только пошлины и оброки, но и отбывали натуральныя повинности, а также платили подати. Вслѣдствіе этихъ мѣръ, служилые люди по прибору сливались скорѣе съ посадскими обывателями, чѣмъ съ служилыми людьми. Правда, у стрѣлецкихъ и казачьихъ дѣтей оставалась еще возможность верстаться въ служилые люди по отечеству, т. е. въ разрядъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, но и эта возможность была отнята у нихъ закономъ 1675 года. Этотъ законъ требовалъ, чтобы стрѣлецкіе и казачьи дѣти, на ряду съ неслужилыми людьми, т. е. холопами, „пашенными мужиками", посадскими людьми, „къ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ ни для коихъ своихъ прихотей не приверстывались", дѣтьми боярскими не назывались и въ помѣстную службу не верстались. Если прибавить къ этому, что служилые люди по прибору, кромѣ того, не пользовались правами и преимуществами служилыхъ людей по отечеству, то станетъ необходимымъ при изложеніи организаціи слу-

Составъ „служилаго чина": Служилые люди по прибору.

жилаго сословія оставить ихъ въ сторонѣ и изучать эту организацію только по отношенію къ служилымъ людямъ по отечеству.

Служилые люди по отечеству.

Служилые люди по отечеству составляли наслѣдственное служилое сословіе, обязанное службой, въ XVII вѣкѣ свободное отъ личныхъ податей и повинностей, владѣвшее землей на личномъ вотчинномъ и помѣстномъ правѣ. Всѣ эти три признака: 1) обязанность личной ратной и соединенной съ ней придворной и административной службы въ зависимости отъ происхожденія отъ служилыхъ отцовъ (служба по отечеству), 2) помѣстное и вотчинное землевладѣніе, и 3) свобода отъ личныхъ податей и повинностей, съ одной стороны, объединяли служилыхъ людей въ одно служилое сословіе, съ другой, противополагали ихъ другимъ чинамъ Московскаго государства. Правда, право вотчиннаго и помѣстнаго землевладѣнія пріобрѣталось также и выслугой, независимо отъ происхожденія. Помѣстья, напр., давались выслужившимся дьякамъ и подъячимъ, хотя бы они были и не дворянскаго рода; вотчинами владѣли гости. „Но однимъ лишь служилымъ людямъ по отечеству, замѣчаетъ г. Павловъ-Сильванскій, принадлежало право владѣть вотчинами и пріобрѣтать ихъ независимо отъ выслуги, въ силу происхожденія". Это землевладѣніе, равно какъ и податное преимущество служилыхъ людей по отечеству, обусловливалось, однако, исключительно лежавшей на нихъ обязанностью службы. Иными словами, служилое сословіе Московскаго государства было сословіемъ крѣпостнымъ.

Боярство.

Въ зависимости отъ происхожденія служилые люди по отечеству дѣлились на три основныхъ разряда: боярство, московское дворянство и городовыхъ дѣтей боярскихъ. Подъ словомъ боярство мы разумѣемъ не то, что значило это слово на оффиціальномъ московскомъ языкѣ. Тогда этимъ терминомъ обозначалось самое званіе боярина, т. е. высшій служилый къ другимъ служилымъ лицамъ, становилось прецеден-

чинъ въ іерархіи Боярской Думы. Въ этомъ смыслѣ выражались московскія разрядныя книги, въ которыя заносились служебныя назначенія: „государь царь и великій князь Михаило Өеодоровичъ всеа Русіи пожаловалъ боярствомъ кн. И. А. Хованскаго; сказывалъ боярство окольничей Ѳ. В. Головинъ". Мы же понимаемъ боярство въ смыслѣ верхняго слоя военно-служилаго сословія московскаго государства, въ смыслѣ тѣхъ знатныхъ служилыхъ фамилій, изъ которыхъ обычно назначались бояре. Это московское боярство окончательно образовалось съ половины XV-го вѣка, когда въ его составъ вошли такъ называемые „служебные князья" Рюриковичи и Гедиминовичи и бояре другихъ удѣловъ. Подъ вліяніемъ этого притока новыхъ элементовъ въ составъ стариннаго московскаго боярства, во-первыхъ, увеличился численный составъ боярства, приблизительно съ 40 фамилій до 200; во-вторыхъ, рѣшительное большинство въ этомъ новомъ составѣ стало принадлежать титулованнымъ княжескимъ фамиліямъ: въ-третьихъ, глубоко измѣнился самый складъ и характеръ московскаго боярства, которое получило характеръ наслѣдственнаго правительственнаго круга, выработало свой строго аристократическій іерархическій распорядокъ. Основное правило этого распорядка, замѣчаетъ проф. Ключевскій, состояло въ томъ, что мѣсто пріѣзжаго слуги въ московской служилой іерархіи указывалось тѣмъ положеніемъ, владѣтельнымъ или служилымъ, какое онъ занималъ до переѣзда на московскую службу. Для служебныхъ или владѣтельныхъ князей это положеніе опредѣлялось качествомъ ихъ *столовъ*, на которыхъ они сидѣли, для бояръ сравнительнымъ достоинствомъ княжескихъ *дворовъ*, при которыхъ они служили. Потому: 1) бывшіе великіе князья на московской службѣ становились выше бывшихъ простыхъ удѣльныхъ князей, 2) эти послѣдніе выше бояръ, 3) бояре великаго московскаго княженія выше бояръ другихъ княженій. Такимъ обра-

зомъ. князь, лишь только потому, что онъ князь, при самомъ вступленіи на московскую службу становился выше простого московскаго боярина. На языкѣ того времени это обозначалось терминомъ *„заѣхать“*. „Пріѣхалъ кн. Юрій Патрикѣевичъ, читаемъ въ разрядахъ, и *заѣхалъ* боярина Константина Шею и другихъ“. Но не всѣ князья становились выше бояръ; это зависѣло отъ того, начиналъ ли князь свою служебную карьеру прямо въ Москвѣ, или раньше онъ служилъ другимъ князьямъ. Въ послѣднемъ случаѣ, какъ слуга младшаго князя, онъ становился по своему служебному достоинству даже ниже московскаго боярина. Съ другой стороны, не всѣ московскіе бояре оказались „заѣханными“ по службѣ. Въ первомъ слоѣ боярства вмѣстѣ съ потомками великихъ князей остались двѣ-три первостепенныхъ фамиліи московскаго стариннаго боярства: это Кошкины-Захарьины, Вельяминовы-Воронцовы.

„Члены боярскихъ родовъ пользовались политическими преимуществами, которыя соединены были съ важными матеріальными выгодами: они получали высшія вліятельнѣйшія назначенія; по службѣ имъ жаловали высшіе чины, а по чинамъ—доходнѣйшія кормленія“. Это обособляло боярство отъ остальныхъ служилыхъ слоевъ—московскаго дворянства и городовыхъ дѣтей боярскихъ—и сообщало ему привилегированное положеніе. Чтобы, съ одной стороны, сохранить за своими потомками это привилегированное положеніе, а съ другой—поддержать сложившійся описанный выше распорядокъ служебныхъ отношеній между отдѣльными фамиліями и членами самого боярства, тогда же съ половины XV в. выработалась особая система, получившая названіе ***мѣстничества***, и окончательно оформленная въ царствованіе Грознаго.

Мѣстничество: его идея.

Въ основѣ мѣстничества, по опредѣленію проф. Ключевскаго, лежало правило, „что служебное положеніе, разъ занятое служилымъ лицомъ по отношенію

томъ, предопредѣляющимъ служебныя отношенія и потомковъ этого лица къ потомству другихъ лицъ, соприкасавшихся съ нимъ по службѣ“. Такимъ образомъ, мѣстничество устанавливало не фамильную наслѣдственность служебныхъ должностей, а наслѣдственность служебныхъ отношеній между фамиліями.

Мѣстническое отечество.

Это унаслѣдованное отъ предковъ отношеніе по службѣ служилаго лица и цѣлой служилой фамиліи къ другимъ служилымъ лицамъ и фамиліямъ было для служилаго человѣка его мѣстническимъ отечествомъ. Отсюда видно, что мѣстническое отечество не зависѣло ни отъ личныхъ талантовъ и заслугъ, ни отъ государевой милости и пожалованія въ высокій чинъ или должность. Ни то, ни другое не сообщали неродословному человѣку „отечества“. Тогда говорили: „за службу жалуетъ государь помѣстьемъ и деньгами, но не отечествомъ“. Но это мѣстническое отечество имѣли не всѣ служилые люди, а только боярскіе роды, внесенные Грознымъ въ государевъ родословецъ. Что касается не родословныхъ родовъ, то „имъ съ родословными счету нѣтъ“.

„Поруха чести“.

Мы сказали, что отеческая честь пріобрѣталась единственно актомъ рожденія. Этимъ мы отмѣтили въ понятіи „отечества“ одинъ элементъ, именно генеалогическій. Но одна генеалогія сама по себѣ, замѣчаетъ проф. Дьяконовъ, не обезпечивала разъ навсегда за служилымъ человѣкомъ уже однажды намѣченное служебное положеніе въ ряду другихъ служилыхъ фамилій. Унаслѣдованную отеческую честь необходимо было поддерживать службой и притомъ службой, соотвѣтственной этому отечеству, въ постоянной боязни принять несоотвѣтственное назначеніе. Съ одной стороны, продолжительное уклоненіе отъ службы по разряду *), вело, какъ тогда выражались,

*) Разрядными должностями назывались должности, записываемыя въ особыхъ разрядныхъ книгахъ. Эти записи велись въ Разрядномъ приказѣ. Первая офиціальная разрядная книга за 80 лѣтъ была составлена въ 1556 г. и получила названіе Государева разряда.

„къ закоснѣнію„ рода и къ „порухѣ" или потерѣ отеческой чести. Это уклоненіе сопровождалось тѣмъ, что прежняя разрядная служба рода забывалась и на будущее время представителямъ этого рода, „выросшимъ и родившимся въ закоснѣніи", уже трудно было возстановить свое право при служебныхъ назначеніяхъ ссылаться на службу отцовъ и дѣдовъ. Такіе „закоснѣвшіе" роды превращались, говоря мѣстническимъ языкомъ, въ неродословные, которымъ съ родословными счету нѣтъ. Такъ захудали, напр., знатные роды князей Конинскихъ и Спажскихъ, бывшіе, „старшей вѣтвью многовѣтвистаго и многочестнаго рода Оболенскихъ". Съ другой стороны, принятіе лицомъ непріемлемаго съ точки зрѣнія отеческой чести назначенія вело къ умоленію этой чести, или, какъ тогда выражались, къ „*потерькѣ*". Обратно, случайное повышеніе лица называлось его „*находкой*".

„Потерька" и „находка".

Мѣстническій счетъ.

Такимъ образомъ, каждый назначенный долженъ былъ строго слѣдить за тѣмъ, чтобы не оказаться по данному разряду ниже или „ровней" такого лица или лицъ, служить съ которыми въ указанныхъ условіяхъ ему было „невмѣстно". Для этого нужно было „*знать себѣ мѣру*", или умѣть хорошо высчитать, ниже кого ему служить „*вмѣстно*", кто ему „*въ версту*" (ровня) и кому въ отечествѣ съ нимъ не доставало многихъ мѣстъ, т. е. кому надлежало служить ниже его. Правила этого вычисленія отечества или „счетоводство предковъ" представляли цѣлую законченную систему и различались, смотря по тому, требовалось ли опредѣлить отношеніе лица къ его родичамъ или къ чужеродцамъ. Въ первомъ случаѣ счетъ былъ простой—*по родословцу*, во второмъ—сложный—*по родословцу и по разрядамъ* вмѣстѣ.

Значеніе мѣстничества.

Мѣстничество имѣло, главнымъ образомъ, значеніе сословно-оборонительной системы. Ставя служебныя отношенія бояръ въ зависимость исключительно отъ службы ихъ предковъ, оно тѣмъ самымъ защищало

служилую знать отъ произвола сверху. Устанавливая іерархію родовъ и объединяя всѣ аристократическія фамиліи въ одно цѣлое, мѣстничество закрывало доступъ новымъ родамъ въ среду этихъ установившихся и размѣстившихся фамилій. Родословная знать не раздвигалась, когда къ ней приходили новыя лица. Всѣ высшія мѣста были заняты и пришлецамъ оставались мѣста съ самаго края, ниже родословныхъ людей. И тѣмъ и другимъ мѣстничество „выдѣляло изъ военно-служилой массы классъ, изъ котораго верховная власть волей не волей должна была преимущественно выбирать лицъ для занятія правительственныхъ должностей. Этимъ мѣстничество сообщало боярству характеръ правящаго класса или сословной аристократіи".

Московское дворянство.

Ниже по происхожденію боярства стояли московскіе дворяне. Этотъ разрядъ служилыхъ людей по отечеству былъ образованъ въ 1550 г. путемъ включенія въ составъ столичнаго дворянства избранной тысячи лучшихъ провинціальныхъ дѣтей боярскихъ. Вновь набранные дѣти боярскіе, наравнѣ съ прежними членами столичнаго дворянства, были испомѣщены въ московскомъ и смежныхъ съ нимъ уѣздахъ, но не далѣе 70 верстъ отъ Москвы. Эти новые подмосковные помѣщики предназначались къ постоянной службѣ въ столицѣ и къ исполненію правительственныхъ порученій. Имена ихъ были занесены въ такъ называемую *тысячную книгу*. Такъ образовалось московское дворянство, которое первоначально, по степени родовитости своихъ членовъ, было раздѣлено на три статьи. Но это дѣленіе просуществовало не долго и было уничтожено Өеодоромъ Ивановичемъ въ 1587 г. Московскіе дворяне были главными дѣятелями областнаго, гражданскаго и военнаго управленія. Отсюда вербовались воеводы по городамъ, назначались сотенные головы, которые командовали уѣздными отрядами или сотнями городовыхъ дѣтей боярскихъ.

Городовые дѣти боярскіе.

Ниже ихъ стояли городовые дѣти боярскіе, которые составляли особыя уѣздныя общества, или уѣздныя дворянскія корпораціи, приписанныя къ уѣзднымъ городамъ. Званіе московскаго дворянина, какъ и сына боярскаго, давалось происхожденіемъ. Слѣдовательно, эти званія были сословными наименованіями. Но они же были и „чинами" въ смыслѣ почетныхъ званій.

Лѣстница чиновъ и начала, регулирующія служебную карьеру.

Было три ряда или три группы чиновъ, горизонтально лежащихъ одна надъ другой. Это: 1) чины думные—бояре, окольничіе, думные дворяне; 2) чины служилые московскіе—стольники, стряпчіе, дворяне московскіе, жильцы; 3) чины служилые городовые—дворяне выборные, дѣти боярскіе, дворовые и городовые. Повышеніе изъ чина въ чинъ обусловливалось, во-первыхъ, принадлежностью къ одному изъ основныхъ разрядовъ служилыхъ людей, т. е. къ боярству, московскому дворянству и провинціальнымъ дѣтямъ боярскимъ; во-вторыхъ, въ предѣлахъ двухъ группъ чиновъ—по московскому списку и городовыхъ—отечествомъ и выслугою. Представители боярскихъ и дворянскихъ родовъ обычно начинали службу въ московскихъ чинахъ, городовые дѣти боярскіе въ городовыхъ. Такимъ образомъ, принадлежность къ одному изъ основныхъ разрядовъ служилыхъ людей опредѣляла группу чиновъ, но не опредѣляла самаго чина. Послѣднее прежде всего зависѣло отъ родословности. Особенно это начало дѣйствовало въ служилой карьерѣ представителей боярскихъ и лучшихъ дворянскихъ родовъ. Представители лучшихъ фамилій здѣсь прямо назначались въ стольники, менѣе именитые должны были послѣдовательно проходить чины московскаго дворянства, стряпчаго, стольника. „Человѣкъ не славна родителя, говорили московскіе житейскіе мудрецы, а высокоуменъ, аки птица безъ крылъ: убивается о землю, а возлетѣти не можетъ". Начало служебной карьеры городовыхъ дѣтей боярскихъ не зависѣло отъ родословности. Въ XVI в. чинъ вновь поступающаго на службу сына боярскаго, „*новика*", опредѣлялся службой отца, или отечествомъ. Это значило, что сыновья выборныхъ и дворовыхъ дѣтей боярскихъ зачислялись на службу, если отецъ служитъ по выбору, то въ выборъ; если по дворовому списку, то въ дворовый списокъ. Но этотъ порядокъ былъ измѣненъ уже въ первой половинѣ XVII в., когда стало дѣйствовать правило, что всѣ новики при верстаніи на службу должны зачисляться въ первый изъ городовыхъ чиновъ, именно, въ чинъ дѣтей боярскихъ, служащихъ съ городомъ. При послѣдующемъ повышеніи въ чины сына боярскаго принималось во вниманіе, во-первыхъ, его служба, или выслуга, во-вторыхъ, родство. „По государеву указу, гласятъ наказы воеводамъ, новиковъ по выбору и по дворовому списку писать не велѣно; а дѣтей боярскихъ (уже служащихъ) велѣно по выбору и по дворовому списку писать въ Розрядѣ по родству и за службу". Подъ родствомъ понималась служба отца и родственниковъ. Напр., мещеренинъ Леонтій Свинцовъ билъ челомъ о написаніи его за смоленскую службу изъ городовыхъ (служилъ 15 л.) по выбору, „ а иные родители мои, писалъ онъ, служатъ тебѣ государю, по выбору". Трудно сказать, какое изъ этихъ началъ—выслуга или родство—преобладали. Съ одной стороны, извѣстны случаи, когда „дѣти боярскія разныхъ городовъ были написаны по дворовому списку за службу, а не за родство", съ другой, мы знаемъ случаи, когда повышеніе въ слѣдующій чинъ мотивировалось исключительно родствомъ. Во всякомъ случаѣ сыновья дѣтей боярскихъ по выбору и дворовому списку имѣли преимущественное право предъ сыновьями дѣтей боярскихъ съ городомъ получить эти чины. Насколько послѣдовательно проходились эти чины выборныхъ и дворовыхъ видно изъ одного примѣра. Въ 1650 г. сыну боярскому Казимірову по недосмотру велѣно было дать чинъ выборнаго, минуя чинъ дворового. Казиміровъ самъ обратилъ на это вниманіе начальства: „велѣно меня написать по вы-

бору, и по выбору меня прежде дворовагo не напишутъ". Ошибка была исправлена и челобитчика написали по дворовому списку. Достигнувъ „выбора", дѣти боярскіе за службу и по родству могли попадать и въ московскіе чины жильца и московскаго дворянина, что называлось „написаться по московскому или жилецкому списку". Значитъ, неродовитый человѣкъ обычно кончалъ тѣмъ, съ чего начиналась только карьера родовитаго человѣка. Что касается думныхъ чиновъ боярина, окольничаго, думнаго дворянина, „то по общему правилу, говоритъ г. Павловъ-Сильванскій, они не входили въ лѣствицу чиновъ, послѣдовательно проходимую служащими, но жаловались непосредственно, независимо одинъ отъ другого, служащимъ низшихъ чиновъ, стольникамъ или дворянамъ, смотря по родовитости фамиліи, къ которой принадлежали жалуемыя лица". Стольникъ перворазрядной фамиліи сразу получалъ чинъ боярина, минуя остальные думные чины. Въ половинѣ XVII в. такихъ фамилій, по свидѣтельству Котошихина, насчитывалось всего 16. Это были: кн. Черкасскіе, кн. Воротынскіе, кн. Трубецкіе, кн. Голицыны, кн. Хованскіе, Морозовы, Шереметьевы, кн. Одоевскіе, кн. Пронскіе, Шеины, Салтыковы, кн. Репнины, кн. Прозоровскіе, кн. Буйносовы, кн. Хилковы, кн. Урусовы.

Стольникъ второразрядной фамиліи такимъ же образомъ получалъ чинъ окольничаго, а изъ окольничаго могъ уже дослужиться до боярина. „Роды же менши тѣхъ (выше перечисленныхъ), читаемъ у Котошихина, которые бываютъ въ околничихъ и въ боярехъ: князей Куракиныхъ, кн. Долгоруковыхъ, Бутурлиныхъ, кн. Ромадановскихъ, кн. Пожарскихъ, кн. Волконскихъ, кн. Лобановыхъ, Стрешневыхъ, кн. Борятинскихъ, Милославскихъ, Сукиныхъ, Пушкиныхъ, Измайловыхъ, Плещѣевыхъ, Львовыхъ". Наконецъ, стольники или дворяне незнатныхъ родовъ получали чинъ думнаго дворянина, изрѣдка дослуживались до

окольничаго и на этомъ кончали свою служебную карьеру. „Роды жъ, которые бываютъ въ думныхъ дворянехъ и въ околничихъ, исъ честныхъ родовъ и изъ середнихъ, и изъ дворянъ; и тѣ роды болши тоѣ чести не доходятъ".

Порядокъ отбыванія службы: норма службы.

Служба отбывалась съ земли, притомъ какъ съ помѣстной, такъ и съ вотчинной. Точно опредѣленные размѣры этой службы были впервые установлены указомъ 1556 г., когда государь „съ вотчинъ и съ помѣстья *уложенную* службу учини: со ста четвертей *) добрые угожей земли человѣкъ на конѣ и въ доспѣсѣ въ полномъ, а въ далной походъ о дву конь". При Борисѣ Годуновѣ, по причинѣ разоренія служилыхъ людей, бывшаго слѣдствіемъ сельско-хозяйственнаго кризиса, тягость этой поземельной службы была уменьшена вдвое. Чѣмъ опредѣлялись размѣры службы въ XVII в. мы точно не знаемъ. Но есть основаніе думать, что эти размѣры опредѣлялись не объективными признаками, въ родѣ того или другого количества земли, крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ и т. д., а въ каждомъ данномъ случаѣ субъективной оцѣнкой особо выбранныхъ изъ дворянскихъ уѣздныхъ обществъ „окладчиковъ", которые, сообразно общей экономической мочи каждаго служилаго человѣка, опредѣляли, какъ онъ долженъ былъ являться на службу, т. е. „сколь люденъ, коненъ и оруженъ". Служилый человѣкъ, по тому же уложенію 1556 г., долженъ былъ начинать службу съ 15 лѣтъ и нести ее до потери служебной годности, по причинѣ старости или болѣзни.

Служба полковая, ближняя и осадная.

Ратная служба дѣлилась на полковую, ближнюю, осадную. Наиболѣе отвѣтственной и трудной службой была полковая, сопряженная съ дальними походами и требующая высокой боевой годности лица, хорошаго вооруженія и запасовъ провіанта. Лица, не удовлетворявшія этимъ требованіямъ, переводились въ ближнюю

*) Четверть = $1/2$ дес. въ одномъ полѣ, а въ трехъ поляхъ $1^1/2$ дес.

службу, гдѣ назначались въ ближнія посылки. Еще ниже была служба осадная городовая, т. е. гарнизонная. Сюда зачислялись больные и увѣчные, безъ ногъ, безъ рукъ, старые и бѣдные, однимъ словомъ тѣ, служба которыхъ была „худа". Лица, не удовлетворявшія требованіямъ и не требовательной осадной службы, получали чистую отставку, призываясь иногда къ исполненію различныхъ полицейскихъ функцій. Причинами отставки въ большинствѣ случаевъ были: полная потеря боевой годности, по причинѣ-ли глубокой старости, или сильнаго увѣчья и болѣзни, иногда то и другое и третье вмѣстѣ, крайняя бѣдность, сопряженная съ скитаніемъ „межъ дворъ", въ рѣдкихъ случаяхъ умственная „простота".

Вознагражденіе за службу и ея обезпеченіе.

За службу и для службы служилые люди получали помѣстное и денежное жалованіе. Испомѣщеніе служилыхъ людей было основнымъ средствомъ ихъ содержанія. Денежное жалованіе было лишь подспорьемъ къ помѣстному.

Помѣстье.

Помѣстьемъ въ Московскомъ государствѣ назывался участокъ земли, данный государемъ служилому человѣку въ личное условное владѣніе за службу и ради службы. Такимъ образомъ, помѣстье, съ одной стороны, являлось какъ бы вознагражденіемъ за исполненныя служебныя обязанности, съ другой стороны, обезпечивало саму возможность службы. Подобно службѣ это условное владѣніе было временнымъ, обыкновенно пожизненнымъ. Условнымъ, личнымъ и временнымъ характеромъ помѣстное владѣніе отличалось отъ родовой или купленной вотчины, состовлявшей полную и наслѣдственную собственность своего владѣльца, личнымъ и временнымъ характеромъ оно отличалось отъ вотчины „жалованной" подъ условіемъ службы. Происхожденіе помѣстья, какъ особой формы условнаго владѣнія, теряется въ древности удѣльныхъ вѣковъ. Самый терминъ „помѣстье" входитъ въ употребленіе при Иванѣ III, когда были произведены и пер-

вые опыты широкой раздачи помѣстій. При Грозномъ помѣстное содержаніе служилыхъ людей развивается уже въ опредѣленную систему.

Помѣстная система: помѣстный окладъ.

Правила этой системы заключались въ слѣдующемъ: каждый служилый человѣкъ „верстался" *) извѣстнымъ помѣстнымъ *окладомъ*, который выражалъ собою его право на полученіе въ помѣстное владѣніе участка земли опредѣленныхъ размѣровъ. Оклады были не равны. Размѣръ ихъ зависѣлъ отъ цѣлаго ряда условій. Изъ нихъ на первомъ мѣстѣ надо поставить тотъ или другой чинъ. Служилые люди высшихъ чиновъ, бояре, окольничіе, думные дворяне. получали помѣстные оклады отъ 800—2000 четвертей, стольники и дворяне московскіе отъ 500—1000 ч. Оклады провинціальныхъ дѣтей боярскихъ были еще меньше, колеблясь, обычно, отъ 100—600 ч. Вторымъ условіемъ, вліяющимъ на размѣръ окладовъ, была давность службы. Поэтому оклады новиковъ не служилыхъ были вообще ниже окладовъ новиковъ служилыхъ **), а оклады послѣднихъ, ниже „служащихъ старо". Въ предѣлахъ этихъ группъ величина окладовъ зависѣла, во-первыхъ, отъ „отечества", различались добрые, середніе, обышные, худые своимъ отечествомъ, „а новиковъ, читаемъ въ наказахъ окладчикамъ, верстали бы лучшихъ отецкихъ дѣтей въ первую статью", во-вторыхъ, отъ физической годности лица—больные, увѣчные, худые-обнищавшіе, вовсе не принимались на службу, и въ 3-хъ, отъ исправности службы. Добрые своимъ отечествомъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, попадали въ первую статью, но если при добротѣ отечества они были середними, обышными или худыми своей головой и службой, то помѣстные оклады ихъ соотвѣтственно пони-

*) Терминъ „верстаніе" означалъ распредѣленіе служилыхъ людей по статьямъ, соотвѣтственно знатности ихъ рода, физическаго качества, имущественнаго благосостоянія и проч., для назначенія имъ помѣстныхъ и денежныхъ окладовъ.

**) Служилыми новиками назывались лица, которыя уже несли дѣйствительную службу, но еще не были поверстаны окладами.

жались. Съ другой стороны, выдающаяся боевая годность и исправность службы, давали возможность и „молодымъ" по отечеству верстаться въ одну статью съ тѣми, кто отечествомъ добры. „А которые дѣти боярскіе отечествомъ молоды, а собою и службою своею и головою добры, и тѣхъ верстати къ тѣмъ же въ статьи, которые отечествомъ добры. „Такъ, въ зависимости отъ всѣхъ этихъ условій, получалась цѣлая лѣстница окладовъ, по которой и размѣщались служилые люди въ зависимости отъ своего отечества, боевой годности, исправности службы, наконецъ, ея давности и служилаго чина". Оклады дѣлились на *подмосковные* и *городовые*. Разница между ними заключалась въ томъ, что первые давали служилому человѣку право на испомѣщеніе подъ Москвой, вторые на испомѣщеніе въ провинціальныхъ уѣздахъ. Послѣдніе оклады имѣли всѣ служилые люди, первые, т. е. подмосковные, были прибавкой почетной или наградной къ послѣднимъ. Они давались какъ высшимъ служилымъ чинамъ, такъ и провинціальнымъ дѣтямъ боярскимъ. Размѣръ подмосковныхъ окладовъ первыхъ былъ узаконенъ еще въ XVI-мъ вѣкѣ и оставленъ Уложеніемъ почти безъ перемѣнъ: бояре 200 ч., стольники, стряпчіе, дворяне московскіе и патріаршіе стольники 100 ч.; дворяне выборные 50 ч. (въ Улож. 70 ч.). Размѣры подмосковныхъ окладовъ провинціальныхъ дѣтей боярскихъ и дворовыхъ людей (стряпчіе и сытники царицына чина) опредѣлялись величиною ихъ помѣстныхъ городовыхъ окладовъ, именно, составляли 10% послѣднихъ.

Помѣстная дача.

Помѣстный окладъ обозначалъ собою право служилаго человѣка на помѣстный участокъ опредѣленныхъ размѣровъ. Беклемишевъ, положимъ, былъ поверстанъ окладомъ въ 500 ч., это значитъ, что онъ имѣлъ право на владѣніе участкомъ помѣстной земли въ 500 ч., но это еще не значило, что онъ владѣетъ именно такимъ количествомъ помѣстной земли. Онъ могъ владѣть этимъ количествомъ земли, но могъ

имѣть во владѣніи и меньше. Его фактическое помѣстное владѣніе называлось его *дачей* въ окладъ. Дачи обычно были меньше оклада. Такъ, напр., въ Бѣлевскомъ у. въ 1622 году они составляли 23% окладного назначенія, въ Ряжскомъ у. въ 1592 году до 30 дѣтей боярскихъ, поверстанныхъ окладами отъ 50—200 чет., получили лишь землю на „усадища"; въ 70-хъ годахъ XVI в. изъ 168 дѣтей боярскихъ изъ Путивля и Рыльска, записанныхъ на службу, 99 чл. совсѣмъ не имѣли помѣстныхъ дачъ, а остальные были „испомѣщены по окладомъ не сполна, иные вполы, а иные въ третій и четвертый жеребій, а инымъ дали на усадища по немногу". Несоотвѣтствіе дачъ окладамъ часто обусловливалось тѣмъ, что служилый человѣкъ имѣлъ вотчину. Въ этомъ случаѣ дачи были обратно пропорціональны вотчинамъ: „чѣмъ значительнѣе была вотчина у служилаго человѣка, тѣмъ меньше его помѣстная дача, ибо помѣстье было собственно подспорьемъ или замѣной вотчины". Кромѣ того, несоотвѣтствіе дачъ окладамъ объяснялось, во-первыхъ, постепеннымъ уменьшеніемъ помѣстнаго фонда, или земли, предназначенной для испомѣщенія служилыхъ людей; во-вторыхъ, обиліемъ въ этомъ помѣстномъ фондѣ земель *пустопорожнихъ*, т. е. запустѣвшихъ, и *дикаго поля*, т. е. земли еще неподнятой, не поступившей въ обработку, а такъ какъ помѣщику для исправнаго отбыванія службы нужна была земля *угожая* и *живущая*, т. е. населенная, съ достаточнымъ количествомъ крестьянскихъ рабочихъ рукъ, то служилые люди обычно уклонялись брать въ свои помѣстные оклады земли пустопорожнія и дикое поле, несмотря на то, что правительство давало имъ податную льготу на такія земли лѣтъ на 8—20 и выдавало деньги на постройку хоромъ (по 2 р. на 100 четей) *). Наконецъ, въ-третьихъ, несо-

*) Этотъ недостатокъ удобной земли для испомѣщенія чувствовался уже къ концу XVI вѣка, и на это жаловались въ Москвѣ Флетчеру въ царствованіе Ѳедора Ивановича.

отвѣтствіе дачъ окладамъ обусловливалось тѣмъ, что правительство очень часто не брало на себя иниціативы испомѣщенія служилыхъ людей, а предоставляло служилымъ людямъ самимъ „пріискивать“ помѣстья въ ихъ помѣстные оклады. Все это вело не только къ тому, что помѣстныя дачи были ниже окладовъ, но и къ тому, что пріисканныя помѣстья лежали не въ одномъ кускѣ, даже не въ одномъ уѣздѣ, а были разбросаны небольшими кусками иногда въ 5—6 и даже больше далеко другъ отъ друга отстоящихъ уѣздахъ Московскаго государства. Такимъ образомъ, землевладѣніе служилыхъ людей страдало отсутствіемъ концентраціи.

Однодворцы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіе большого несоотвѣтствія дачъ окладамъ, образовывалась масса безпомѣстныхъ или малопомѣстныхъ служилыхъ людей, участки которыхъ, составляя иногда всего 10 дес., приближались къ крестьянскимъ участкамъ. Этотъ „дворянскій пролетаріатъ“ въ особенности развивался на южной и юго-восточной окраинѣ. Вслѣдствіе постепеннаго въ XVII вѣкѣ уменьшенія въ этихъ мѣстностяхъ крестьянскаго населенія, такіе малопомѣстные помѣщики обычно не имѣли ни одного крестьянскаго двора, жили только своими дворами, *однодворками*, сами обрабатывали свою землю. Позднѣе они образовали классъ и званіе *однодворцевъ* и со времени введенія подворной подати (1679—1681 гг.) стали подлежать этой подати наравнѣ съ крестьянами.

Прибавка и убавка помѣстныхъ окладовъ и дачъ.

Владѣніе помѣстнымъ было обусловлено исправнымъ отбываніемъ службы. Пока помѣщикъ удовлетворялъ этому требованію правительства, онъ свободно пользовался своимъ помѣстьемъ. Но, имѣя право пользованія, онъ, однако, не могъ злоупотреблять этимъ правомъ. Правительство обязывало его „не пустошити помѣстья, дворовъ не развозити“, а также крестьянъ непомѣрными поборами не разогнать и не переводить ихъ съ помѣстныхъ земель на вотчинныя. За наруше-

ніе этихъ правилъ сначала (1621 г.) было опредѣлено наказаніе кнутомъ, потомъ дѣло ограничивалось лишь тѣмъ, что правительство въ этихъ случаяхъ не удовлетворяло челобитія помѣщика, запустошившаго свое помѣстье, о перемѣнѣ его разореннаго помѣстья на новое.

Обязанность помѣщика по отношенію къ его помѣстью.

Въ зависимости отъ того повышалась или понижалась служебная годность служилаго человѣка, повышались и понижались его помѣстный окладъ и дача. Бояре и дьяки „смотрѣли дѣтей боярскихъ и, которые собою и службою добры, а помѣстнымъ окладомъ поверстаны мало, тѣмъ, распрашивая про службу окладчиковъ, окладовъ прибавливали, а которые собою и службою худы и верстаны помѣстными оклады большими, и у тѣхъ оклады убавливали“. Пониженіе служебной годности или нарушеніе служебнаго долга сопровождались или убавкой помѣстнаго оклада и дачи, или полнымъ лишеніемъ помѣстья. У захудавшихъ, обѣднѣвшихъ служилыхъ людей такъ же, какъ и у старыхъ и увѣчныхъ, обычно часть помѣстья отбиралась, а сами они перечислялись изъ полковой службы въ осадную *). Что касается нарушенія служебнаго долга, то самымъ обычнымъ его проявленіемъ было *нѣтство*.

Нѣтчики и отписка помѣстій.

Подъ нѣтствомъ понимались: неявка на службу по призыву, неявка на службу въ назначенный срокъ или медленные сборы, неявка на военные смотры, бѣгство со службы и т. п. Во всѣхъ этихъ случаяхъ правительство наказывало нѣтчиковъ или убавкой помѣстнаго и денежнаго оклада, или конфискаціей помѣстья, а иногда даже и вотчины (1621 г.). До Уложенія не было общаго указа объ отпискѣ помѣстій за неявку на службу или бѣгство съ нея. Отписка помѣстій производилась каждый разъ съ особаго указа, при чемъ отписывалось и цѣлое помѣстье, и половина, и треть, и четверть. Обычно за бѣгство съ поля битвы

*) „За худобу велѣно имъ служити осадную службу, а помѣстій за ними учинено по 20 чети, а что у нихъ будетъ сверхъ 30 чети лишку, и то у нихъ отписати на государя и въ роздачу раздати“.

у нѣтчика отнималась половина помѣстнаго и денежнаго оклада. За двукратный побѣгъ изъ полка виновнаго карали, кромѣ наказанія кнутомъ, убавкой 50 ч. помѣстнаго оклада, за третій побѣгъ онъ лишался всего помѣстья. Подъ нѣтствомъ подразумѣвалось только злонамѣренное уклоненіе отъ службы, когда служилые люди, имѣя возможность исправно отбывать службу, не служили „воровствомъ“ или „огурствомъ“.

Установленіе наслѣдственности помѣстья. Верстаніе въ припускъ.

Помѣстье было владѣніемъ не только условнымъ, но и личнымъ, временнымъ, пожизненнымъ, этимъ оно существенно отличалось отъ вотчины. Но въ XVII в. это различіе постепенно уничтожалось и помѣстье превращалось въ наслѣдственное владѣніе. Къ этому вела, во-первыхъ, практика верстанія новиковъ, во-вторыхъ, обычай давать служилымъ людямъ и ихъ семьямъ, такъ называемыя, прожиточныя помѣстья. Дворянскій *недоросль, поспѣвъ* на службу, т. е. достигнувъ 15 лѣтъ, ставши новикомъ, верстался помѣстьемъ. Верстаніе новиковъ было двояко: въ *отводъ* и въ *припускъ*. Старшихъ сыновей, поспѣвшихъ на службу, когда еще отецъ сохранялъ силы служить, верстали въ отводъ т. е. надѣляли особыми помѣстьями, младшихъ, при большихъ помѣстьяхъ отца двухъ, при малыхъ одного, записывали на службу съ помѣстья отца. Это называлось припускомъ. Вслѣдствіе этой практики помѣстье обычно сохранялось въ семьѣ служилаго человѣка, т. е. становилось наслѣдственнымъ.

Прожиточныя помѣстья.

Къ тому же вела постоянная передача помѣстій на *прожитокъ*, т. е. въ качествѣ земельной пенсіи. Когда дворянинъ или сынъ боярскій не могъ нести ни полковой, ни осадной службы, правительство давало ему отставку, но при этомъ не лишало его всего помѣстья, выдѣляя часть на прожитокъ въ видѣ пенсіи. Прожиточныя помѣстія получали не только отставные служилые люди, но и вдовы и малолѣтнія дѣти. Когда служилый человѣкъ умиралъ, не имѣя взрослыхъ сыновей, то его помѣстье въ видѣ прожитка оставлялось

за его сыновьями-недорослями. Размѣръ прожиточнаго помѣстья недоросля зависѣлъ отъ помѣстнаго оклада его отца. Если послѣ смерти служилаго человѣка оставалось нѣсколько сыновей, то помѣстье переходило къ нимъ цѣликомъ; если одинъ, то ему оставляли во владѣніе бо́льшую часть имѣнія отца, смотря по окладу, отъ 50—200 ч. Такое прожиточное помѣстье записывали за матерью и сыномъ-недорослемъ вмѣстѣ, причемъ мать признавалась владѣлицей его, какъ воспитательница сына. Когда недоросль достигалъ совершеннолѣтія, то его прожитокъ превращался въ его служилое помѣстье. Мать и сестры въ этихъ случаяхъ не получали выдѣла, но на сына возлагалась нравственная обязанность „мать кормить со своего помѣстья до живота, и сестеръ, вскормивъ, выдать замужъ“. Но чаще вдова и малолѣтнія дочери служилаго человѣка получали особые выдѣлы изъ помѣстья мужа и отца въ видѣ прожиточныхъ помѣстій. Размѣръ такихъ помѣстій зависѣлъ отъ рода смерти покидавшаго пенсіонерокъ помѣщика. По Уложенію, если онъ умиралъ на бою, то вдова получала въ прожитокъ 20% его помѣстья, дочери по 10%, если онъ умиралъ естественной смертью въ полку во время войны, то 15 и $7^1/_2$%, и еще менѣе, по 10 и 5%, когда онъ умиралъ дома. Прожиточными помѣстьями вдовы владѣли до замужества, постриженія или смерти, дочери по указу 1556 г. до 15-лѣтняго возраста, впослѣдствіи до замужества. Если къ этому времени у дѣвицы подыскивался женихъ изъ служилыхъ людей, то, выходя за него замужъ, она могла справить за нимъ свой прожитокъ. Владѣльцы и владѣлицы такихъ прожиточныхъ помѣстій должны были поставлять ратниковъ, даточныхъ людей съ своихъ помѣстій, или платить взамѣнъ того особый налогъ.

Сліяніе помѣстій съ вотчинами.

Такъ, помѣстье по смерти служилаго человѣка переходило къ его семьѣ, если семьи не оставалось, то, по указу 1613 г., оно переходило къ роду („помѣстій

родимцовъ, мимо родства отдавать не велено"); если не было родственниковъ, то оно переходило къ городу, т. е. поступало въ раздачу служилымъ людямъ того уѣзда, въ которомъ оно лежало. Вслѣдствіе этого помѣстье пріобрѣтало характеръ наслѣдственнаго, родового владѣнія (указъ 1638 г. уже знаетъ терминъ *родовыя помѣстья)* и приближалось къ вотчинѣ. Остающееся послѣ этого различіе между вотчиной и помѣстьемъ заключалось только въ характерѣ распоряженія тѣмъ и другимъ владѣніемъ. Съ точки зрѣнія теоріи помѣстнаго владѣнія, помѣстье было владѣніемъ неотчуждаемымъ, т. е. его нельзя было ни завѣщать, ни мѣнять, ни закладывать, ни продавать. Но уже въ XVII в. утверждается практика какъ *завѣщанія* помѣстій, такъ и ихъ *мѣны*, притомъ не только на помѣстья, но и на вотчины. Вмѣстѣ съ тѣмъ входитъ въ обычай *сдача* помѣстья зятьямъ въ видѣ приданаго, или родичамъ и даже чужеродцамъ съ обязательствомъ кормить сдатчика или сдатчицу; наконецъ, въ 1674 г. отставные помѣщики получаютъ право сдавать помѣстья и за деньги, т. е. закладывать и продавать ихъ. Такъ помѣстье по характеру владѣнія все болѣе сливалось съ вотчиной.

Пожалованіе помѣстья въ вотчину.

Параллельно этому процессу въ XVII в. развивался другой процессъ, именно, процессъ полнаго превращенія помѣстья въ вотчину. Это достигалось двумя способами: во-первыхъ, пожалованіемъ части помѣстья въ полную собственность за выдающіяся заслуги или просто за участіе въ трудномъ походѣ, или осадѣ, такъ, напр., царь Василій Шуйскій пожаловалъ „за московское осадное сидѣнье" въ вотчину служилымъ людямъ по 20 ч. съ 100 ч. ихъ помѣстнаго оклада, такое же пожалованіе имѣло мѣсто въ царствованіе Михала Өеодоровича „за московское осадное сидѣніе—королевичевъ приходъ" и особенно часто въ царствованіе Алексѣя Михайловича; во-вторыхъ, значительныя количества государственной помѣстной земли переходили

въ полную собственность служилыхъ людей путемъ разрѣшенной правительствомъ покупки порозжихъ и примѣрныхъ земель. Такъ, уже въ XVII в. вотчина стала преобладать надъ помѣстьемъ. Помѣстное содержаніе служилыхъ людей фактически замѣнялось вотчиннымъ.

Денежное жалованіе: денежные оклады.

Денежное жалованье было подспорьемъ къ помѣстному. И здѣсь, какъ и въ помѣстномъ жалованіи, различались денежный окладъ и денежная дача. Размѣры денежныхъ окладовъ зависѣли отъ тѣхъ же условій, какими опредѣлялись оклады помѣстные. Въ зависимости отъ давности и качества службы денежные оклады различались на *первыя*, *другія* и *свершенныя* деньги. Сначала новикъ получалъ первыя деньги, при слѣдующемъ верстаньѣ, если по свидѣтельству окладчиковъ онъ исправно несъ службу, его верстали помѣстьемъ и другими деньгами, размѣръ которыхъ былъ нѣсколько выше первыхъ. Напр., первыя деньги 5, 6, 8 руб...., другія—7, 9, 11 р. Новики, получившіе другія деньги и помѣстный окладъ, переставали называться новиками и переходили въ разрядъ старослужащихъ; прослуживъ исправно въ этомъ разрядѣ много лѣтъ, они при разборѣ поверстывались въ свершенныя деньги, т. е. получали максимальные денежные оклады (для взятаго случая 11, 12, 13, 14 р.).

Денежное жалованіе „съ городомъ" и „изъ чети".

Въ отношеніи полученія денежнаго жалованья служилые люди дѣлились на *„емлющихъ жаловѣнье съ городомъ"* и на *„емлющихъ жалованье изъ чети"*, или *„четвертчиковъ"*. Подъ „четями" разумѣлись финансовые приказы, между которыми было распредѣлено денежное содержаніе служилыхъ людей, то были: Новгородская, Устюжская, Владимірская, Костромская и Галицкая чети. Жалованье „изъ чети" получали высшіе чины, рядовая масса служилыхъ людей—городовые дѣти боярскіе—получала жалованье „съ городомъ". Въ чемъ заключалось дальнѣйшее различіе полученія жалованья съ городомъ и изъ чети не ясно. Во всякомъ

случаѣ не въ томъ, что, въ отличіе отъ жалованья съ городомъ, жалованье изъ чети было ежегоднымъ жалованьемъ. Изученіе „*кормленыхъ*“ книгъ четвертей этого не устанавливаетъ*).

Денежная дача.

Максимальные оклады „четвертчиковъ“ были гораздо выше такимъ же окладовъ съ городомъ. Послѣдніе были въ общемъ не велики, въ XVI в. они колебались отъ 4—14 р. Служилые люди, поверстанные денежнымъ жалованіемъ, не всѣ получали его ежегодно и притомъ не всегда полностью, т. е. соотвѣтственно окладамъ. По военной смѣтѣ 1632 г. изъ 24714 дворянъ и дѣтей боярскихъ получали жалованіе „ежегодъ“ только 1876 чел., и то по слѣдующей нормѣ: тѣ, у которыхъ окладъ болѣе 10 р.—10 р., „а въ 10 р. по окладамъ сполна“. Дворяне и дѣти боярскіе, получавшіе жалованіе „ежегодъ“, всѣ служили по западной или южной границѣ государства. Ихъ служба здѣсь, надо думать, была безпрерывной, наиболѣе трудной и отвѣтственной, потому и жалованье имъ шло „ежегодъ“. Большинство дворянъ и дѣтей боярскихъ получало жалованіе не регулярно, по разборамъ или смотрамъ**), обычно на случай похода. Совсѣмъ не получали денежнаго жалованія дѣти боярскіе, несшіе гарнизонную службу, а также и тѣ изъ полковыхъ, служба которыхъ была „худа“, такъ что окладчики въ жалованьѣ по нихъ не ручались.

Окладчики и поручители.

Опредѣляя порядокъ отбыванія службы, статьи помѣстныхъ и денежныхъ окладовъ, московское пра-

*) Однако, въ нашей ученой литературѣ господствуетъ какъ разъ противоположный взглядъ. См. В. Сторожевъ. Къ вопросу о четвертчикахъ. Ж. М. Н. Пр. 1892 г. № 1. А. Лаппо-Данилевскій. Предисловіе къ кормленой книгѣ Костромской Чети. Русс. Ист. Библ. т. XV.

**) По закону 1555 г., городовымъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ денежное жалованіе раздавалось разъ въ 3—4 года, въ началѣ XVII в., когда службы (похода) нѣтъ, давали жалованье разъ въ 5 лѣтъ и еще рѣже. О раздачѣ денежнаго жалованія дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ см. у насъ: „Смѣта военныхъ силъ Московс. Госуд. на 1632 г.“, также „Смѣта воен. силъ 1663 г.“

вительство примѣненіе на практикѣ этихъ нормъ предоставляло самому служилому сословію, точнѣе, его уѣзднымъ дворянскимъ корпораціямъ, которыя черезъ своихъ выборныхъ *окладчиковъ* опредѣляли для каждаго дворянина своего уѣзднаго общества и служилую статью, и помѣстный, и денежный окладъ. Окладчики, въ количествѣ 10—20 и больше человѣкъ, должны были выбираться изъ „служащихъ старо“ и изъ тѣхъ, которымъ „вѣрити мочно“. На практикѣ, кромѣ этихъ двухъ обязательныхъ условій, на выборъ окладчиковъ вліяло землевладѣніе ихъ въ уѣздѣ иногда и всегда ихъ фамильныя связи. Функціи окладчиковъ были такъ велики, показанія ихъ такъ важны для всей вообще карьеры служилаго человѣка, что-изъ за выбора окладчиковъ спорили, интриговали, разбивались на партіи. Примѣръ такихъ партійныхъ выборовъ имѣлъ мѣсто въ Каширѣ въ 1631 г., когда Ѳустовы, Писаревы и другіе „всѣми роды своими и иные роды“ били челомъ на Лихаревыхъ, Ильиныхъ, Уваровыхъ и т. д., жалуясь, что Лихаревы и другіе враждебные имъ роды, „умысля и зговорясь“ выбираютъ окладчиковъ исключительно изъ своихъ родовъ и, пользуясь тѣмъ, чинятъ челобитчикамъ „великое тесненіе“: „верстаютъ насъ не по государеву крестному целованью въ другую и третью статью, а въ своихъ родѣхъ они верстаютъ заговоромъ своихъ дѣтей и племянниковъ, которые не довелись въ большую статью, и они всѣхъ верстаютъ въ большую статью“... Выбранныхъ окладчиковъ, взявъ на нихъ „въ городѣ выборы за руками“, приводили ко кресту на томъ, чтобы они, будучи у помѣстнаго и денежнаго верстанія или у раздачи денежнаго жалованія и разбора, сказывали про своихъ товарищей, производившимъ разборъ или верстаніе воеводамъ и дьякамъ, правду, „по свойству и дружбѣ неслужилыхъ новиковъ и обычныхъ людей въ большія статьи не вносили, а по недружбѣ служилыхъ новиковъ и отеческихъ дѣтей въ меньшія статьи не сно-

сили, и выше тѣхъ городовъ указныхъ новичныхъ статей, и больше отцевъ ихъ и большихъ братьи по мѣстныхъ и денежныхъ окладовъ новиковъ не верстали" и „поминковъ ни у кого ничего не имали", и вообще „государеву службу во всемъ полнили". Отъ „сказки" окладчиковъ зависѣла вся служебная карьера служилаго человѣка: родъ его службы (полковая, ближняя, осадная), отставка, размѣръ службы („сколь коненъ, люденъ и оруженъ"), помѣстный и денежный окладъ, денежная дача. При денежныхъ раздачахъ служилые люди уѣзда связывались между собой *порукой*. За каждаго „въ службѣ и въ деньгахъ", т. е. въ томъ, что онъ будетъ нести исправно службу и, взявъ денежное жалованіе, „не своруетъ и не збѣжитъ", ручались его сослуживцы, въ томъ числѣ и окладчики. Порука принимала сложный видъ: за каждаго ручались двое или трое, за тѣхъ въ свою очередь ручались другіе, бывали случаи, что одно и тоже лицо ручалось по 12, 13, 14 и болѣе лицъ, этимъ „порука складывалась въ цѣпь поручителей, охватывавшую весь служилый уѣздъ".

Десятни. Свои „сказки" окладчики подавали нарочно посланнымъ съ Москвы для разбора, верстанія, денежной раздачи, воеводамъ и дьякамъ. Сообразно этимъ сказкамъ, по каждому уѣзду составлялись списки служилыхъ людей, съ раздѣленіемъ ихъ на чины и статьи, съ обозначеніемъ ихъ помѣстныхъ и денежныхъ окладовъ, а также и службы. Такіе списки, составленные при разборѣ, верстаніи и раздачѣ денежнаго жалованія, назывались *десятнями*. Само названіе „десятень", по предположенію г. Востокова, произошло отъ древняго дѣленія служилыхъ людей каждаго города на сотни и десятки. Время возникновенія десятень относятъ къ Ивану Грозному. Десятни имѣли большое значеніе въ быту служилаго сословія: они служили доказательствомъ права лица, въ нихъ записаннаго, получить себѣ въ помѣстье такое количество земли,

какое ему назначено при верстаніи, а также доказательствомъ того, въ какомъ чинѣ состоитъ лицо, и что оно принадлежитъ къ служилому, а не другому сословію.

III.

Упадокъ боярства. Изученіе состава служилаго сословія Московскаго государства привело насъ къ выводу о преобладающемъ значеніи въ этомъ служиломъ сословіи московскаго боярства, которое носило характеръ правящаго класса или сословной аристократіи. Такое положеніе боярства, поддерживаемое и укрѣпляемое мѣстничествомъ, съ экономической точки зрѣнія объяснялось крупнымъ боярскимъ землевладѣніемъ. Но уже въ XVI в., приблизительно со времени опричнины Грознаго, крупное боярское землевладѣніе начало падать, вмѣстѣ съ тѣмъ шелъ другой процессъ—вымиранія „стародавнихъ честныхъ родовъ". Уже въ половинѣ XVII в. Котошихинъ могъ замѣтить, „что прежніе большіе роды князей и бояръ, многіе безъ остатку миновались", а тѣ, которые остались, экономически захудали. „У царя Алексѣя Михайловича, говоритъ проф. Ключевскій, не оставалось старыхъ бояръ родовитѣй князей Одоевскихъ; а онъ и Одоевскимъ писалъ, пославъ, что было нужно на выносъ и погребеніе одного изъ нихъ: „впрямь узналъ и провѣдалъ я про васъ, что опричь Бога на небеси, а на землѣ опричь меня, никого у васъ нѣтъ". Такъ къ концу XVII в., боярство, по мѣткому выраженію Ѳедора Шакловитаго, превратилось въ „зяблое упавшее дерево".

Отмѣна мѣстничества. Вмѣстѣ съ этимъ упадкомъ старой боярской знати постепенно падало и значеніе мѣстничества. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича, охвативъ болѣе широкій кругъ служебныхъ назначеній и распространяясь на болѣе широкій кругъ лицъ, захватывая даже служащихъ въ чинахъ сравнительно низкихъ, мѣстничество тѣмъ самымъ теряетъ свое былое назначеніе, какъ

мѣры, поддерживавшей сложившійся іерархическій распорядокъ одного боярства. Вмѣстѣ съ тѣмъ правительство начинаетъ примѣнять и болѣе строгія кары по отношенію къ мѣстничавшимся. Въ царствованіе того же Алексѣя Михайловича князья Хованскій и Лобановъ, напр., за мѣстничество во время войны были приговорены къ смертной казнѣ, замѣненной ссылкой въ деревню. Увеличивая кары за мѣстничества, правительство все чаще прибѣгало къ другому средству въ борьбѣ съ нимъ, именно, къ объявленію службы *безъ мѣстъ* на тотъ или иной походъ. Все это, безусловно, подготовляло отмѣну мѣстничества, которая и произошла въ царствованіе Θедора Алексѣевича въ 1682 г. Такъ вмѣстѣ съ упадкомъ боярской знати пало и мѣстничество. Боярство тѣмъ самымъ потеряло свое политическое значеніе, какъ правящаго круга.

Бюрократія.

На смѣну боярства въ XVII в. выдвигается новый рядъ дѣльцовъ, часто обиженныхъ отеческой службой, но тѣмъ настойчивѣй проводящихъ чуждую боярству точку зрѣнія, что „великъ и малъ живетъ государевымъ жалованіемъ". Большинство этихъ новыхъ дѣльцовъ принадлежало къ московскому или даже къ провинціальному дворянству (напр., А. Л. Ординъ-Нащокинъ былъ сыномъ уѣзднаго псковскаго дворянина, еще менѣе знатными дворянами были И. М. Языковъ, А. Т. Лихачевъ), но были среди нихъ и лица еще болѣе низкаго происхожденія (напр., Матвѣевъ, сынъ дьяка). Эти новые дѣльцы, въ противоположность боярскому правленію, не образовывали сплоченнаго правящаго класса. Взысканные царской милостью, обязанные своимъ положеніемъ ей и своей службѣ, они образовали въ Московскомъ государствѣ не правящій классъ, а всемогущую бюрократію.

Притязанія дворянства.

Однако, недостатки, присущіе бюрократическому строю, рядъ злоупотребленій и обнаруживавшееся порой засиліе худородныхъ и продажныхъ дѣльцовъ-

дьяковъ, а также иноземцевъ, заставляло въ томъ же XVII в. искать панацею отъ этихъ бѣдъ. Съ точки зрѣнія перваго въ государствѣ чина, т. е. служилаго, выходъ заключался въ замѣнѣ бюрократическаго управленія управленіемъ дворянскимъ. Эта мысль на разные лады не разъ высказывалась въ теченіе XVII в. Одно изъ наиболѣе раннихъ ея проявленій относится къ сороковымъ годамъ вѣка, когда изъ среды дворянства вышелъ оригинальный проэктъ управленія государствомъ при помощи нарочно выбранныхъ для того по городамъ „нарочитыхъ людей изъ служивыхъ" (съ добавленіемъ, правда, немногихъ выборныхъ отъ черныхъ волостей). Выборные составляли постоянный государственный совѣтъ при государѣ, съ совѣщательнымъ и контролирующимъ дѣйствія администраціи назначеніемъ. Такъ уже въ XVII в. на смѣну стараго правящаго класса—боярства—шелъ новый, дворянство, окончательно ставшій таковымъ правящимъ сословіемъ при преемницахъ и преемникахъ Великаго Петра.

Е. Сташевскій.

ТИП. И. Н. КУШНЕРЕВЪ И К°.